

К.А. Писаренко

ТАЙНЫ ДВОРЦОВЫХ ПЕРЕВОРОТОВ

РОССИЯ
МОЯ ИСТОРИЯ

Россия. Моя история

Константин Писаренко

Тайны дворцовых переворотов

«ВЕЧЕ»

2017

Писаренко К. А.

Тайны дворцовых переворотов / К. А. Писаренко — «ВЕЧЕ»,
2017 — (Россия. Моя история)

ISBN 978-5-4484-7852-9

Политическая история России XVIII века – это, по сути, история дворцовых переворотов. Ученые выделяют семь крупных «дворцовых бурь», потрясших Российскую империю той эпохи. Это воцарение Екатерины I, падение Меншикова, воцарение Анны Иоанновны, падение Бирона, воцарение Елизаветы Петровны, Екатерины II и Александра I. К ним примыкает политически менее значимая, но шокировавшая русское общество расправа над Артемием Волынским и загадочная, омрачившая триумф Екатерины II смерть Петра III в Ропше. Историки называют разные причины столь частой смены власти, однако они сходятся в одном: каждый такой переворот вносил важные изменения в политику государства, а в случае с Екатериной II ознаменовал начало новой эпохи в истории России. Историк К.А. Писаренко в своей книге рассматривает тайные пружины дворцовых заговоров и переворотов, знакомит читателя с яркими личностями того времени, развенчивает устоявшиеся мифы и легенды.

ISBN 978-5-4484-7852-9

© Писаренко К. А., 2017

© ВЕЧЕ, 2017

Содержание

Вместо предисловия	5
1725 год. Три январских дня	7
1727 год. Дебют цесаревны	20
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Константин Писаренко

Тайны дворцовых переворотов

Вместо предисловия

Истина и миф... Сколько существует историческая наука, столько первая пытается победить в ней второй, но до сих пор никак не получается. Слишком много усилий – и творческих, и физических, и душевных – требуется приложить, чтобы собрать воедино, проанализировать и состыковать друг с другом все сохранившиеся документальные свидетельства о том или ином событии. Ведь это единственный способ достижения желаемой цели – восстановления подлинной картины прошлого.

Прочие средства, к сожалению, самообман, миф порождающий. А миф порочен, в первую очередь потому, что, завлекая своей правдоподобностью, обрекает на совершение ошибки. Причем миф, как сорняк, возрастает легко, быстро и отличается завидным долголетием, имея благодатную питательную среду – лень и эгоизм исследователя. Лень блокирует его волю к поиску максимального числа источников, к тщательному и всестороннему осмыслению накопленного материала. А эгоизм заставляет до конца держаться раз обнародованной версии, невзирая ни на конструктивную критику оппонентов, ни на вновь обнаруженные или ранее не учтенные факты, противоречащие полюбившейся концепции.

Между тем господство мифа в истории превращает данную науку в мертвую и бесполезную для смежной с ней дисциплины – политики, нуждающейся в точном знании о закономерностях общественного развития, формах государственного устройства, роли личности в разных политических обстоятельствах. При отсутствии такого знания политик остается опасным природным явлением, время от времени поражающим человечество то революцией, то войной. Точь-в-точь как в ненастную погоду молния, смерч или ураган. И, увы, пока историки не прекратят дискутировать о предпочтительности той или иной мифической схемы, не займутся скрупулезной, подетальной реконструкцией поступков наших предков, говорить об обуздании разрушительной мощи политических процессов не приходится.

История для политика то же, что математика, физика и химия для изобретателя. Без опоры на «живой», ежедневный опыт мировой и национальной истории ему крайне тяжело ориентироваться в чрезвычайно динамичной реальности и не допускать грубых просчетов в своей деятельности. Как воздух, нужна консультативная помощь исторической науки. Вот только, насколько качественной может быть помощь истории, если в ней до сих пор хронологию выстраивают по «годам», в лучшем случае, по «месяцам», а главными объектами изучения являются страны и народы, в лучшем случае, классы и сословия! Конкретный человек нынешней истории интересен не сам по себе, а как выразитель чаяний наций, классов, различных социальных групп.

Однако историю вообще и политическую историю в частности творят конкретные люди, со своими идеями, желаниями, вольными или невольными заблуждениями. И, значит, лишь анализ каждого слова и шага каждого человека способен высветить подлинную картину истории, как в целом, так и в политическом ее аспекте. Конечно, докопаться до истины глобального масштаба едва ли возможно. В архивах и библиотеках просто не отложился соответствующий материал. Зато часть от целого – среди иного и политическую историю – восстановить на уровне «день» и «час» – задача вовсе не утопичная, поскольку в нашем распоряжении есть достаточно источников, отражающих повседневную деятельность первых персон государства, а также лиц, их окружавших.

Яркий тому пример – история дворцовых переворотов в России XVIII века. Не считая мелких, ученые выделяют семь крупных «дворцовых бурь», потрясших Российскую империю в ту эпоху: воцарение Екатерины I (январь 1725 года), падение Меншикова (сентябрь 1727 года), воцарение Анны Иоанновны (февраль 1730 года), падение Бирона (ноябрь 1740 года), воцарение Елизаветы Петровны (ноябрь 1741 года), воцарение Екатерины II (июнь 1762 года), воцарение Александра I (март 1801 года). К ним примыкают политически менее значимая, но шокировавшая русское общество расправа с Артемием Волынским (июнь 1740 года) и загадочная, омрачившая триумф Екатерины смерть Петра III в Ропше (июль 1762 года).

Исходя из доминирования вышеуказанного принципа изучения истории, калейдоскоп свержений царей и регентов в течение немногим более четверти века (1725—1762) принято объяснять, во-первых, упразднением в 1722 году древнего принципа преемственности власти – по прямой мужской линии, и, во-вторых, волевым вмешательством в порядок престолонаследия русских янычар – выпестованных Петром гвардейцев. Вот якобы ключевые причины возникшей на российском политическом Олимпе династической чехарды. Правдоподобно? Вполне! Схема нового мифа родилась, и тот со временем крепко засел в анналах исторической науки. Тем не менее сей миф в корне ошибочен, и прежде всего от того, что опирается на факты «большие», общего характера, оставляя за бортом фундамент истории – факты «малые», повседневные. А посему, на мой взгляд, нет ничего удивительного в том, что возвращение из небытия последних полностью изменяет представление о причинах, движущих силах и значении знаменитых и легендарных дворцовых «революций» почти трехсотлетней давности.

Впрочем, не стоит забегать вперед. Правильнее рассказать о каждом из них по порядку.

1725 год. Три январских дня

Что мы знаем о восшествии на престол супруги Петра Великого – императрицы Екатерины I? Как правило, только то, что Александр Данилович Меншиков в союзе с П.А. Толстым, П.И. Ягужинским, Феофаном Прокоповичем и другими, опираясь на поддержку гвардии полков, заставил сенаторов – сторонников внука царя-реформатора, великого князя Петра Алексеевича (Д.М. Голицын, В.Л. Долгоруков, А.И. Репнин), провозгласить преемником вдову скончавшегося государя. Кульминацией дворцовой революции стало появление в царской резиденции толпы преображенцев и семеновцев, которые потребовали отдать скипетр матушке-царице, что перепуганные члены Сената тотчас одобрили.

Такую трактовку событий изложили в своих знаменитых мемуарах Геннинг Бассевич, Бурхард Миних и некий аноним, чей труд прежде приписывался вице-адмиралу Никите Вильбуа, а скорее всего, принадлежит перу профессора Российской академии наук Я. Штелина. Прочие свидетельства, в том числе и описание переворота Феофаном Прокоповичем, опубликованное в 1726 году, реляции французского посла Ж. Кампредона за январь – февраль 1725 года, до сих пор служат для историков в качестве не первоисточника фактов, а кладезя занимательных дополнений к общепринятой версии. При этом показания непосредственных очевидцев, противоречащие канону, просто игнорируются. Хотя, если отрешиться от привычной схемы и попытаться сопоставить и логически увязать между собой все имеющиеся известия о драме, разыгравшейся в ночь на 28 января (8 февраля) 1725 года, как давно обнародованные, так и обнаруженные в архивах в последнее время, то картина получится совсем не та, что растиражирована в популярных литературных романах и киноэкранизациях.

* * *

26 января 1725 года около восьми часов утра за столом в просторном зале Старого Зимнего дворца, примыкавшего к Немецкой (ныне Миллионной) улице, расселись пять сенаторов – князь Василий Лукич Долгоруков, граф Яков Виллимович Брюс, граф Федор Матвеевич Апраксин, граф Петр Андреевич Толстой, граф Гавриил Иванович Головкин. Будущий граф Павел Иванович Ягужинский, видимо, задерживался или вообще не пожелал явиться, почему сановники решили не ждать генерал-прокурора, а без проволочек приступить к рассмотрению повестки дня. Первым из приемного покоя в присутствии секретаря вызвал директора Канцелярии от строений.

Ульяна Акимовича Сенявина возмутило излишнее усердие генерала-полицмейстера Антона Девиэра, который в погоне за казенной прибылью велел подчиненным ставить клейма на хомутах уездных извозчиков. Мужики, столкнувшись с нововведением, возроптали и отказались возить «з заводов» кирпич, а «на заводы» дрова и глину, ибо главная полиция намеревалась взимать с помеченных хомутов налог. Многие недовольные сбежали из Петербурга. Работы застопорились. Между тем эти извозчики – сезонные. Они не трудились в столице круглый год, и на них не распространялся хомутный сбор, требующийся для содержания городских фонарей. Выслушав господина директора, сенаторы дали слово секретарю, который зачитал спровоцировавший конфликтную ситуацию указ от 13 декабря 1723 года. После короткого обсуждения постановили «тот указ отменить, а быть тому хомутному збору по прежнему в Акцизной каморе, а что тех хомутных денег в зборе будет, тое суму отсылать в полицию».

Вторым в зал вошел целовальник китайского каравана. Прежде чем одобрить отправку экспедиции на Дальний Восток, их сиятельства спросили у чиновника, нельзя ли распродать товары не в самом Пекине, а в Урге (у зенгорцев, народа, проживавшего на северо-западе

современного Китая, частично в Монголии), если она по пути, или в ином каком близком от русской границы месте, дабы сократить сроки путешествия. Целовальнику пришлось огорчить вельмож: в Урге «збыта мало бывает». К тому же нередко туземцы предлагают в оплату изделия невысокого качества. Да и в принципе гораздо выгоднее торговать нереализованными вещами, возвратившись в Россию, чем искать покупателей для всего каравана среди «кугуртов». Министры разъяснения приняли к сведению и санкционировали вояж до китайской столицы.

Затем Павел Иванович Ягужинский, приехавший во дворец на исходе девятого часа, доложил Сенату о новых обстоятельствах в деле дворовых Салтыкова. Доносчик, обвинивший кого-то в убийстве, «с трех розысков» и «с битья» признался, что оговорил человека «по научению товарища своего», ныне уже скончавшегося. Посовещавшись, сановники постановили провести более тщательное расследование в Юстиц-коллегии, привезя все бумаги из Углича и из Московского надворного суда в Петербург. А ранее арестованных холопов Салтыкова, исключая доносчика, предписали освободить из-под стражи.

Сенаторы едва успели сформулировать общее мнение по третьему пункту, как вдруг дверь в зал с шумом распахнулась, и на пороге появился офицер гвардии Родион Кошелев с ошеломившей всех новостью из Нового Зимнего дворца: «Государю опять плохо! Кажется, он умирает!» Быстро подписав ряд протоколов по решенным в прошлые дни проблемам, Апраксин, Брюс, Головкин, Долгоруков, Толстой и Ягужинский досрочно закрыли заседание и устремились на улицу, торопясь пересечь небольшой переулок, отделявший два Зимних дворца друг от друга. Стрелки на стенном циферблате показывали десятый час пополудни[1].

* * *

Почему фраза Кошелева повергла в шок сенаторов? Потому что почти сутки истекли с того момента, как петербуржцы вздохнули с облегчением, уверенные в начале постепенного выздоровления императора, более недели (с 17 января) мучившегося от застоя мочи. Боли то отпускали монарха, то нестерпимо усиливались, и тогда в западном крыле дворца раздавались истошные крики несчастного. Придворные врачи во главе с Лаврентием Блюментростом выглядели беспомощными, хотя упрямо продолжали настаивать на избранном ими курсе лечения.

18 января пациент проконсультировался с независимым доктором – Джованни Арунцем Аззарети. Итальянец успокоил царя: причина припадков – «застарелая венерическая болезнь», из-за которой в мочевом пузыре образовались небольшие язвы. Серьезной опасности нет. Через несколько дней острые боли утихнут и, если Его Величество позволит сделать себе операцию (без нее не обойтись), француз-хирург из свиты Ж. Кампредона легко извлечет «застоявшуюся и гниющую» в мочевом канале урину, после чего останется только посредством проверенных на опыте микстур вылечить шейку пузыря от покрывших его изнутри язв. Петр весьма неохотно согласился с эскулапом. Сам же в надежде найти иной способ исцеления, без хирургического вмешательства, 19 января снарядил в Москву курьера – конюха Андрея Суворова – за светилом медицины греком Георгием Поликоли.

Прогноз Аззарети подтвердился. Вечером 20 января боли действительно стали ослабевать. В пятницу 22 января спала температура, моча заметно посветлела. Пора было делать операцию. Однако государь не торопился вызывать итальянца с французом. Он явно боялся чело- века с ланцетом в руке. Блюментрост со товарищи, видя настроение хозяина, поддакивал ему, рекомендуя все тот же малоэффективный «пальятивный» метод (пичканье пациента «одними бальзамическими травами»). Драгоценные часы благоприятного перерыва в болезненных припадках быстро таяли. Паузой так и не воспользовались.

Поздним вечером 23 января кризис повторился. Задержания мочи возобновились. А с ними и мучения императора. Несмотря на очевидное ухудшение, Петр по-прежнему отклады-

вал операцию. Зато в ту же субботу 23-го послал очередного нарочного – капрала-преображенца Никиту Данилова – в Москву за знаменитым доктором Бидлоо, который уже вряд ли бы смог чем-либо помочь. Аззарети напрасно бил тревогу. К нему не прислушались ни 23-го, ни 24-го числа. Полагаю, придворные архитекторы в том не виноваты. У них просто не хватило духу спорить с грозным работодателем. А тот до конца сопротивлялся неизбежному. Лишь утром 25 января Петр Великий капитулировал: у вытекавшей по капле мочи появился жуткий «гнилостный» запах. Царь осознал, что дальнейшее промедление с обращением к хирургу смерти подобно, и отважился вручить свою жизнь англичанину Вильяму Горну, пятнадцать лет служившему в госпиталях Франции. Тот успешно реализовал советы итальянца. Зонд вытащил наружу до четырех фунтов урины, «страшно вонючей... с примесью частиц сгнившего мяса и оболочки пузыря».

Больной тотчас почувствовал себя лучше и, нуждаясь в отдыхе после сильной предоперационной нервотрепки, вскоре заснул. А вот врачам в тот понедельник, похоже, не довелось безмятежно сомкнуть глаз. Их, конечно, насторожила подозрительная смесь мочи с частичками сосудов, поврежденных едкой жидкостью. Но до поры до времени они предпочитали помалкивать, не желая страшать придворных печальными перспективами, слух о которых, безусловно, подорвал бы душевное равновесие высочайшей персоны. Между тем оно императору сейчас требовалось больше всего.

Медики старались приободрить окружающих, ожидая с тревогой нового дня. Вопрос элиту российской медицины волновал один: успел ли Горн предотвратить перерастание воспалительного процесса в мочевом пузыре в антонов огонь? Иными словами, проникла инфекция в кровь или нет? 25 января никто не мог дать на него точный ответ. Оставалось уповать на милость Господа. Вечером в понедельник и в ночь на вторник император озноба не ощутил. Наоборот, неплохо выспался, а на рассвете 26 января выразил желание поесть немного овсянки. Около девяти часов утра монарху в Конторку (узенький кабинет на втором этаже западного флигеля; прямо под ним – кухня с лесенкой наверх) принесли тарелку с кашей. Он сделал несколько глотков, и вдруг все находившиеся в комнате заметили, что царя пробивает дрожь. Врачи пощупали лоб, пульс и моментально поняли: надеяться более не на что. У государя – жар. Началась гангрена. Петр обречен. К сожалению, чуда не случилось. Потеря двух с половиной суток предрешила трагический финал.

Страшная весть мигом разлетелась по дворцу, позже по всему городу. Первыми спустя минут пятнадцать – двадцать в императорскую резиденцию из соседнего по каналу дома пришли пять сенаторов вместе с генерал-прокурором. Петр Толстой сразу направился к Джованни Аззарети. Общение с доктором было кратким. Итальянец обрисовал ситуацию лаконично и без обиняков: «Если для блага государства нужно принять какие-нибудь меры, то пора приступить к ним, ибо царю недолго уж остается жить»[2].

* * *

26 января 1725 года. Одиннадцатый час пополудни. В одной из комнат на половине царицы беседуют два человека – императрица Екатерина Алексеевна и Петр Андреевич Толстой. Возможно, по ходу разговора к ним присоединился третий участник – Александр Данилович Меншиков. А еще незримо здесь присутствовала четвертая персона – цесаревна Елизавета Петровна, лицо наиболее заинтересованное в грядущих событиях. Ведь захват самодержавной власти ее матерью, о чем и шла речь на «консилиуме», наибольшие дивиденды сулил не Меншикову, не Толстому и даже не Екатерине, а именно юной принцессе. И вот почему.

Петр Великий не собирался и, похоже, никогда бы не согласился, опираясь на закон от 5 февраля 1722 года, назначать своим преемником среднюю дочь (младшая, Наталья Петровна, скончалась 21 февраля 1725 года). Историки, ссылаясь на мемуары голштинца Г.Ф. Бассевича

и депеши дипломатов, склонны видеть в Анне Петровне истинного выдвиженца царя. Боюсь, историки ошибаются. Настоящего наследника не спроваживают за границу в обозе иноземного жениха и, тем паче, не заставляют подписывать брачные контракты с клятвой отречения за себя и детей от прав «на корону и Империум Всероссийский». К тому же реляции послов доносят до европейских монархов не позицию самого императора, а приватное мнение его соратников (в частности, П. Шафирова). Те же, естественно, из четырех кандидатур – нелюбимого царем внука-тезки, неграмотной жены, неспособной без посторонней помощи управлять государством, и двух умных дочек – оценивали шансы старшей цесаревны выше прочих. Точка зрения, основанная на чистой логике. Та же логика сработала в ноябре 1723 года и в мае 1724 года: раз государь коронует супругу, значит, и власть достанется ей. Как-то от политических экспертов той эпохи ускользнул другой мотив, которым самодержец тоже мог руководствоваться: с коронованной вдовой царя ее врагам придется считаться; от государыни (бывшей крестьянки и метрессы), не миропомазанной на царство, завистники легко избавятся. Наверняка неслучайно в манифесте от 15 ноября 1723 года проблема престолонаследия не затрагивается. Зато в изобилии есть лестные отзывы о храбрости, добродетелях и услугах, оказанных Екатериной Отечеству[3].

Скорее всего, первый император так и не выбрал себе достойного преемника ни в 1722, ни в 1723, ни в 1724-м, ни в январе 1725 года. Потому-то особа, сочувствовавшая Екатерине, плела закулисную интригу в абсолютной уверенности, что знаменитый февральский закон трехлетней давности в предстоящей дуэли не превратится из пустой бумажки в мощное оружие одной из партий. Впрочем, на традицию хитрецу также уповать не стоило, ибо она предписывала отдать венец внуку Петра – девятилетнему сыну царевича Алексея. Правда, традиция обязывала назначить малолетнему государю опекуна из числа ближайших родственников. В ситуации января 1725 года на сей высокий пост всерьез никто, кроме супруги преобразователя, не претендовал. И вроде бы вырисовывался вполне взаимоприемлемый вариант и для поклонников великого князя (их огромное большинство), и для приверженцев Екатерины (оных явное меньшинство): Петр – император; Екатерина – регентша. Однако таинственная особа думала иначе. Ей зачем-то понадобилось, чтобы не мальчик, а сорокалетняя женщина незаконно возшла на трон. Идея – сумасшедшая! Что этот авантюрист мог противопоставить вековому обычаю? Имей он на руках тестамент умиравшего царя, никто бы и пикнуть не посмел. Но у него ничего не было, лишь чрезмерные амбиции и «светлая» голова на плечах, которая и произвела на свет самостоятельно или в соавторстве с кем-либо проект имитации завещания императора – грандиозную, великолепно срежиссированную пьесу в трех актах.

Кто же замутил воду у смертного одра Петра Великого? Фактически ответ прозвучал в ходе бурных дебатов утром 28 января на внеочередном расширенном заседании Сената, когда лидеры проекатерининской группы категорически отказались пойти на поводу у оппозиции и одновременно провозгласить Екатерину императрицей, а Петра Алексеевича ее наследником[4]. Значит, внук царя перешел дорогу не только «бабушке», но и еще кому-то. Кому же? Тому, чье имя «русская золушка» из Лифляндии с радостью вписала бы в собственное завещание. Это имя всем известно. Если еще можно спорить о том, какой из дочерей больше симпатизировал отец, то предпочтения матери не подлежат сомнению: она души не чаяла в Елизавете.

Взлет матушки на вершину политического Олимпа открывал перед младшей цесаревной широкие политические перспективы: максимум – власть над Россией после кончины или отречения первой императрицы; минимум – положение самого влиятельного советника при плохо разбиравшейся в процессе управления самодержице. А вот победа племянника сильно сужала принцессе поле для маневра, хотя для любого другого воцарение Петра II означало бы полный крах всех надежд.

Итак, скорее всего, знаменитая дочь Петрова постепенно, в течение полутора – двух лет, внушила родительнице мысль активно побороться за императорский скипетр. Назвать с той же

определенностью автора изощренной комбинации, обеспечившей Екатерине успех, затруднительно. Это либо Елизавета, либо граф Толстой, либо сценарий – плод их совместного творчества, в котором цесаревна участвовала как бы невзначай. Ни темпераментному Меншикову, ни осмотрительному вице-канцлеру, уроженцу Вестфалии Остерману подобное озарение не свойственно, а неистощимый на фантазии Бассевич, безусловно, проболтался бы о нем в своих мемуарах.

Судя по оперативности, с какой партия Екатерины приступила к осуществлению ключевых мероприятий, на утреннем совещании у царицы 26 января решались не стратегические (уже одобренные ранее), а тактические вопросы: кто, что и когда должен исполнить. Сразу же по окончании «летучки» начался первый акт политического спектакля.

* * *

Екатерине досталась самая легкая и естественная роль. В Конторке мужа царица оплакивала свалившееся на нее горе. Между тем Петр Толстой переговорил с главными оппонентами – Д.М. Голицыным и А.И. Репниным, по примеру прочих сенаторов и вельмож приехавшими в Зимний дворец, а также с В.Л. Долгоруковым. Александр Меншиков встретился с Геннингом Бассевичем и попросил голштинца свести и помирить его с П.И. Ягужинским. Елизавета обреталась вблизи от матери, чтобы в случае чего помочь советом. Но, похоже, форс-мажора не возникло. И Толстому, и Меншикову сопутствовала удача.

Почитателей великого князя не насторожила покладистость семидесятилетнего старика. Они восприняли на ура сообщение Петра Андреевича о намерении Екатерины подчиниться народной воле и удовольствоваться званием регентши при малолетнем Петруше. Традиционалисты сразу же успокоились, расслабились и без стеснений проинформировали иностранных дипломатов о достигнутом компромиссе. Вечером 26 января (6 февраля) Ж. Кампредон отразился в Версаль: «...близко знакомые с делами лица... уверяют, что сенат принял уже меры сообща с царицей. Наследником, говорят, будет провозглашен великий князь... А во время его несовершеннолетия царица будет правительницей совместно с Сенатом». Утром 27 января о том, что «все... улажено в пользу великого князя», прознал шведский посланник Г. Цедеркрейц[5]. Так ловко мастер убеждения Толстой добился первого результата: усыпив бдительность, нейтрализовал противника. Тем самым граф облегчил работу напарника. Александр Данилович в те же часы при посредничестве Бассевича сумел найти общий язык с Павлом Ягужинским.

Бедный Геннинг Фридрих Бассевич! Он так и не догадался, для чего светлейший князь искал через него примирения с генерал-прокурором. Чувствовал, не зря Ягужинского обхаживает сам Меншиков. Но воображения, чтобы расшифровать хитроумный замысел, не хватило, а оба приятеля (к голштинцу потому и обратились, памятуя о дружбе иноземца и с фельдмаршалом, и с генерал-прокурором, без конца враждовавшими между собой) даже не намекнули на истинную картину. Спустя двадцать лет тайный советник герцога Голштинского взялся за сочинение воспоминаний. Захотелось похвастаться той важной ролью, которую довелось сыграть при возведении на престол Екатерины I. Только о чем рассказать читателям? Об организованной им разрядке напряженности в отношениях Меншикова и Ягужинского?! Без соответствующих объяснений потомки признания не оценят. Раскрыть секрет двух своих друзей Бассевич за истекшие десятилетия не смог. Вот и компенсировал неосведомленность романом о коварных злодеях и трех доблестных рыцарях, спасших честь знатной дамы: «...пока она (Екатерина. – *К.П.*)... утопала... в слезах, в тайне составлялся заговор, имевший целью заключение ее вместе с дочерьми в монастырь, возведение на престол великого князя Петра Алексеевича и восстановление старых порядков, отмененных императором...

Ждали... минуты, когда монарх испустит дух, чтоб приступить к делу... В этот промежуток времени Ягужинский, извещенный о заговоре и движимый, с одной стороны, искреннею преданностью Екатерине... а с другой – дружбою к графу Бассевичу, явился к последнему переодетый и сказал ему: “Спешите позаботиться о своей безопасности, если не хотите... завтра же красоваться на виселице рядом с его светлостью князем Меншиковым. Гибель императрицы и ее семейства неизбежна, если в эту же ночь удар не будет отстранен...” Граф Бассевич немедленно побежал передать это предостережение убитой горем императрице. Наступила уже ночь. Государыня приказала ему посоветоваться с Меншиковым и обещала согласиться на все, что они сочтут нужным сделать... Меншиков... спал глубоким сном, ничего не подозревая о готовившейся катастрофе. Бассевич разбудил его и сообщил ему об опасности... Два гениальных мужа... не замедлили порешить, что следовало сделать».

Жаль «гениального мужа», увлекся банальным сюжетом вместо того, чтобы, пораскинув хорошенько мозгами, обнаружить уловку Толстого и Елизаветы, а потом смело приписать себе авторство. Ведь требовалось всего лишь связать воедино и проанализировать три факта:

1. Ягужинский – зять канцлера Г.И. Головкина.
2. Головкин – в числе лидеров партии великого князя.
3. Одно слово, произнесенное Головкиным в историческое утро 28 января, гарантировало победу партии Екатерины.

Увы, Бассевич мечтательного пыла не умерил, с небес на землю не спустился. В итоге канцлер, по версии неутомимого голштинца, очутился среди лиц, замыкавших цепочку перебежчиков из лагеря Петра Алексеевича в лагерь Екатерины Алексеевны. Однако в действительности Гавриил Иванович одним из первых под вечер 26 января примкнул к сторонникам царицы[6]. Правда, на условиях полной конфиденциальности, в которой, между прочим, и заключалась изюминка всей комбинации. Меншиков, вербуя по приказу свыше Ягужинского, а через него Головкина, наносил сокрушительный удар по сопернику. После того как Головкин дал добро на сотрудничество с приверженцами Екатерины, шансы ребенка занять российский престол снизились практически до нуля. Спасти великокняжескую фракцию от поражения ничто не могло, кроме своевременного разоблачения канцлера. Впрочем, Екатерина, Толстой, Меншиков и Елизавета хорошо позаботились о том, чтобы никто ни до, ни после легендарного утреннего собрания 28 января не проведал о вероломстве родовитого сановника.

Услуга, которой тесть Ягужинского обеспечил триумф противнику, внешне не выглядела впечатляющей. Гавриила Ивановича ни в чем не ограничивали. Он имел право сколько угодно агитировать за Петра Алексеевича, кричать и браниться в адрес сподвижников Екатерины (это, вероятно, даже поощрялось). Но когда Феофан Прокопович попросит участников совещания подтвердить реальность беседы Петра I с шестью светскими и духовными особами накануне Персидского похода, сиятельный «резидент» обязан был назвать себя свидетелем того принципиального разговора.

* * *

В шестом часу вечера 26 января «Его Императорского Величества... святили маслом», то есть «святым елеем помазали». За окнами сгустились сумерки. Царица, то плача, то стеная, безотлучно сидела у постели государя. Рядом стояли священники, готовые прочитать отходную молитву или причастить царя. В соседних покоях устраивались на ночлег сенаторы, главы коллегий и канцелярий, генералитет и придворные высшего ранга. К тому моменту первый раунд политической борьбы завершился с заметным преимуществом сторонников Екатерины. Во-первых, им удалось убедить в своей лояльности оппонентов, и те не посчитали нужным как-либо подстраховаться. Во-вторых, Меншиков с Толстым успели до начала агонии императора сформировать труппу из шести «актеров», которым вскоре придется разыграть короткую,

но очень важную интермедию. От искренности исполнения зависел успех всего предприятия. Главную роль поручили Г.И. Головкину. Еще три светских персонажа нашлись в собственных рядах или среди тех, кто держался подальше от конкурирующих партий. Перевоплотиться в двух архипастырей – мнимых собеседников монарха – любезно согласились епископ Псковский Феофан Прокопович и епископ Тверской Феофилакт Лопатинский.

Таким образом, к исходу первого дня все заинтересованные лица приготовились ко второму акту драмы. Однако обе коалиции слишком рано поспешили вывести за скобки Петра Великого. Царь едва не спутал размежевавшимся «птенцам» все карты в ночь со вторника на среду. Под утро 27 января температура, которая с полудня 26-го числа была не очень высокой и позволяла императору общаться с соратниками (с Ф.М. Апраксиным, например) и отдавать распоряжения, внезапно подскочила, и Петр впал в беспамятство. В бреду он поднялся с кровати и шагнул к окнам, дабы то ли открыть, то ли поплотнее затворить створки. Обморок прервал движение.

Очнувшись, государь вдруг потребовал принести перо и бумагу. У тех, кто оказался в тот миг в Конторке или поблизости, екнуло сердце. Не дай бог, напишет завещание и нарушит хрупкое равновесие! Затрепетали все – и поклонники великого князя, и активисты екатерининской группы. Но просьбу уважили. Дрожащей рукой Петр начертил буквы. Никто фразу не разобрал, и, скорее всего, в каракулях не читался даже намек на testament, ибо о них быстро забыли. Это спустя годы Бассевич придумает красивую формулу («Отдайте все...») и добавит: Анне Петровне. А на рассвете 27 января 1725 года фантазия у немца еще не разгулялась: судя по всему, он лишь посетовал австрийскому дипломату Гогенгольцу на неудачную попытку царя «в двух словах... письменно» обозначить имя преемника. О том, кого конкретно обидела Фортуна, речь не шла. Голштинский министр, разумеется, мечтал послужить императрице Анне, а не Екатерине. Что ж, не судьба. Император о старшей дочери, как выяснилось, и не помышлял. Во всяком случае, ни знаком, ни жестом не попробовал донести до окружающих последнюю волю. Силы и время для этого у него еще оставались[7].

Только в два часа пополудни 27 января «государь весьма оскудевать и к кончине приближаться начал». К нему сразу же впустили попрощаться родных, друзей, подчиненных. Сим удобным поводом не преминули воспользоваться сподвижники Екатерины. В веренице скорбящих к постели императора подошли с десятков гвардии штаб-офицеров. Отдав дань Отцу Отечества, гвардейцы, ведомые старшим командиром – преображенским подполковником А.Д. Меншиковым, отправились выразить сочувствие подруге жизни великого человека (та на период церемонии прощания, похоже, вышла из Конторки в соседние комнаты). А царица не ограничилась благодарностью за визит вежливости. Она напомнила гостям, «что... сделала для них, как заботилась об них во время походов, и что... ожидает, что они» не покинут госпожу «в несчастье».

Офицеры, воодушевленные яркой речью, тут же присягнули ей на верность и поклялись добиться провозглашения императрицей. Далее подполковник Меншиков проинструктировал подопечных, как действовать на расширенном заседании Сената: погромче кричать, похлеще браниться, почаще угрожать, в общем, создавать нервную атмосферу в зале. Тогда же или позднее императрица повелела заместителю Данилыча, подполковнику И.И. Бутурлину, и дежурному по Преображенскому полку майору А.И. Ушакову после смерти мужа под барабанную дробь привести из казарм к Зимнему дворцу сводную роту преображенцев[8].

На этом второй акт и подготовка в целом к центральному событию закончились. Все приказы были отданы, роли – распределены, реплики – заучены. Партия великого князя уже более суток пассивно ожидала часа «Х». Их антагонисты лишь теперь получили возможность чуть-чуть расслабиться в течение ближайшей последней для Петра Великого ночи с 27 на 28 января.

* * *

Простившись с семьей и соратниками, император четырнадцать часов пролежал в забытьи, не произнося ни слова. «Безпрестанно стонал и руку правою... на сторону метал». Левую давно разбил паралич. Он успел еще раз причаститься, прежде чем в четвертом часу ночи 28 января «оледеневать почал». Феофилакт Лопатинский, наклонившись к уху царя, принялся читать «благочестивые увещания» и обычные молитвы. В пятом часу стоны прекратились, затем пресеклось дыхание... Очень долго все стояли, будто замороженные, в глубокой тишине. Но вот в пять часов с четвертью врачи констатировали смерть, и комнату пронзил страшный возглас потерявшей сознание царицы. Всклипывая и утирая слезы с глаз, сановники вышли из Конторки в приемный покой, откуда не спеша поплелись, очевидно, в Наугольную палату второго этажа с видом на Неву и прачечные корпуса через канал.

Обер-гофмейстер Матвей Дмитриевич Олсуфьев в то утро не вытерпел, забежал в дом Дворцовой канцелярии (смежный с востока с Зимним дворцом) и продиктовал дежурному секретарю, записавшему в журнал протоколов: «Против 28 числа пополудни в первой четверти 6 часа по воле Всемогущаго Господа Бога всепресветлейший, державнейший Петр Великий император и самодержец всероссийский, Отец Отечества, государь всемилостивейший чрез двенадцатидневную жестокою болезнью от сего временнаго в вечное блаженство отиде. О сем приказал записать обер-гофмейстер господин Алсуфьев»[9].

Пока царица рыдала у тела почившего мужа, неподалеку от Конторки, в просторном зале постепенно собрались члены правительства и генералитет Российской империи. Сенаторы – А.Д. Меншиков, Ф.М. Апраксин, А.И. Репнин, П.А. Толстой, Г.И. Головкин, Я.В. Брюс, И.А. Мусин-Пушкин, В.Л. Долгоруков, Д.М. Голицын – уселись за стол. Возле них разместились главы коллегий, канцелярий, несколько иерархов церкви, герцог Голштинский со свитой. В углу на стульях расположились генералы, в том числе и гвардии подполковник (армии бригадир) И.И. Бутурлин, гвардии майоры (армии полковники) А.И. Ушаков, Г.Д. Юсупов, И.И. Дмитриев-Мамонов, И.М. Лихарев, возможно (если не уезжали из Петербурга), М.А. Матюшкин, С.А. Салтыков, В.Д. Корчмин и М.Я. Волков. По-видимому, прежде чем пройти в зал, Ушаков по приказу Бутурлина отослал в полк ордер следующего содержания: «Нарядить сего часу на караул с полку сержантов – 2, каптенармусов – 2, капралов – 6, солдат со всех рот – по осми человек, от гранодерской – 16. А збирались бы у Почтового двора. А с ним будет на караул капитан [Василий] Нейбуш, капитан-лейтенант [Степан] Юрьев, лейтенант [Семен] Кишкин, ундер-лейтенант [Михаил] Крефт, фендрих [Василий] Нелюбохтин»[10].

Заседание началось приблизительно в половине шестого утра. Председательствовал Ф.М. Апраксин. Вообще-то, многие полагали, что совещание – пустая формальность: Петра Алексеевича провозгласят императором, Екатерину – регентшей, и все разойдутся по домам. Но тут пожелал высказаться граф Толстой. Ни с того ни с сего Петр Андреевич подверг жесточайшей критике схему, им же предложенную полтора дня назад. Как гром посреди ясного неба зазвучали слова семидесятилетнего старика: «Такое распоряжение (учреждение регентства. – *К.П.*) ... вызовет то бедствие, которого желают избежать, потому что в России не существует закона, определяющего время совершеннолетия царей. В ней царь, будучи неограниченным и самодержавным властелином, берет бразды правления в свои руки в самую минуту смерти своего отца. Если вздумают провозглашением великого князя царем установить как бы двойственную власть (Петр – император; Екатерина – правительница. – *К.П.*), то часть вельмож и большинство невежественного народа непременно возьмут его сторону, и тогда законы и Сенат, который под твердою властью государя служит надежнейшим оплотом оных, будут скоро попорчены, ибо люди ослепленные корыстолюбием или жаждущие перемены власти, опасности коей не понимают, неизбежно начнут устраивать заговоры и всяческие смуты.

В том положении, в каком находится Российская империя, ей нужен властелин мужественный, опытный в делах, способный крепостью своей власти поддержать честь и славу, окружающие империю, благодаря неусыпным трудам покойного царя, и в то же время разумным и просвещенным милосердием сделать народ счастливым и преданным правительству. Все эти качества соединяются в царице, которая научилась искусству править государством от своего супруга, всегда доверявшего ей самые важные тайны, на деле несомненным образом доказала и героизм свой, и великодушие, и преданность русскому народу, и, наконец, сделала очень много добра, и в общественных делах, и частным людям. А зла не делала еще никогда и никому.

Впрочем, оставляя в стороне все прочие доводы, торжественное коронование царицы, присяга, принесенная ей по этому случаю всеми подданными и всенародно произнесенная им перед этим событием слова царя неоспоримо доказывают волю покойного монарха и обязанность народа повиноваться ей»[11].

Репнин, Долгоруков, Голицын, Мусин-Пушкин слушали главу Тайной канцелярии и не верили своим ушам. Толстой публично разрывал джентльменское соглашение, которое обе партии заключили днем во вторник. Претензии оратор очертил вполне отчетливо: регентство – институт ненадежный; монарх должен обладать всей полнотой власти; сын царевича Алексея слишком мал для самостоятельного управления страной; остается Екатерина, которую и надлежит объявить императрицей; правовое основание для этого – акт коронации в мае прошлого года, как ясно выраженное намерение Петра Великого завещать ей государство и корону.

Обманутые защитники великого князя, пережив огромной силы удар, не растерялись. Отмобилизовались на ходу и контратаковали в самое уязвимое звено цепи рассуждений Толстого: государь ни словесно, ни письменно преемника не назвал, а коронацию приравнивать к завещанию нельзя, ибо мотивы возложения на чело Екатерины венца можно толковать по-разному. К тому же во многих европейских государствах короли коронуют своих жен, но это не дает дамам право претендовать на трон. У союзников царицы с речью Толстого запас разумных доводов, способных опрокинуть железную логику покровителей юного тезки императора, иссяк. Час выкладывать на стол козырную карту еще не пробил. И тогда А.Д. Меншиков произнес довольно двусмысленную фразу: «Я убью каждого, кто посмеет противиться распоряжению покойного императора!»

В то же мгновение сидевшие позади майоры гвардии – и преображенцы, и семеновцы – громкими выкриками поддержали командира: Петр Великий выбрал в преемники Екатерину; ее надо без проволочек провозгласить императрицей. Лозунги перемежались с оскорблениями и угрозами «разбить головы всем старым боярам». А.И. Ушаков не постеснялся обнародовать фамилию первой потенциальной жертвы – канцлера Головкина. Вероятно, за попытку усовестить не в меру буйных гвардейцев брат генерал-адмирала Петр Матвеевич Апраксин удостоился таких «особо теплых» эпитетов, что пожилой президент Коммерц-коллегии через сутки, 29 января, слег.

Конечно, напускная бравада штаб-офицеров никого не испугала. Сотрясение воздуха ненормативной лексикой – дисциплинарный проступок. За него далее гауптвахты не сошлют. Напротив, реальное смертоубийство, отягощенное политикой, – серьезное преступление, за которое нижестоящий по чину, посягнувший на жизнь вышестоящего, рано или поздно ответит перед военным судом. Репнин, Долгоруков, Голицын, Мусин-Пушкин, Петр Апраксин это хорошо понимали. Сделать их более сговорчивыми подобные упражнения голосовых связок не могли, а вот рассердить, разозлить сиятельных особ «праздник» офицерского непослушания должен был. И чем сильнее гвардейцы накалят атмосферу, тем лучше. Ведь гнев – плохое подспорье в обстоятельствах, требующих принятия быстрых и взвешенных решений.

Увы, оппоненты Екатерины не справились с эмоциями, втянулись в словесную перепалку и тем самым угодили в искусно приготовленную для них ловушку. Сдержанная полемика стре-

нительно переросла в жесткие пререкания на повышенных тонах. Здравые идеи все реже и реже звучали в славном собрании. Чаще взаимные обвинения и упреки. В разгар препирательств Г.И. Головкин призвал разругавшихся коллег обратиться за советом к народу: пусть земский собор сословий определит, кому царствовать – Петру или Екатерине. Мнение канцлера, естественно, проигнорировали[12]. Между тем Петр Андреевич Толстой внимательно наблюдал за тем, как протекала дискуссия. Поблизости молча взирает на раскрасневшихся, бестолково жестикулирующих вельмож Феофан Прокопович. Епископ поминутно поглядывал на сенатора, как бы спрашивая: не пора ли? Но тот с подачей условного знака медлил: господа «бояре» еще не созрели, нужно ждать.

* * *

Примерно через четверть часа после открытия прений за стены дворца просочилась информация, повергшая многих, в первую очередь дипкорпус, в шок: провозглашение великого князя императором сорвано сторонниками Екатерины, желающими передать царице всю полноту власти. Империя на грани гражданской войны!!!

В посольствах сразу же закипела работа. Посланникам не терпелось поскорее сообщить сенсационную новость Европе. Впрочем, сперва им предстояло отыскать лазейку для проникновения курьеров за черту города: выезд из столицы давно запрещен, проскочить мимо солдатских пикетов можно исключительно по знакомству или за мзду. По счастью, шведский посол Герман Цедеркрейц дружил с кем-то из тех, кто командовал караулами на границах Петербурга. Барон любезно согласился помочь товарищу по профессии из Франции. Жак Кампредон, не мешкая, взялся за перо: «С-Петербург. 8 февраля 1725. 6 часов утра.

Ваше Сиятельство!

Из дубликата прилагаемого письма Вы увидите, в каком состоянии находилась болезнь царя вчера, когда я имел честь писать Вам. Сегодня, около пяти часов утра, монарх этот скончался после припадков жесточайших судорог. Сколько мне до сих пор известно, он не сделал никаких распоряжений. Сенат, находящийся в настоящую минуту в полном составе во дворце, разделен на две партии. Одна, горячо поддерживающая интересы царицы, хочет провозгласить ее правительницей, в качестве императрицы, никого не назначая ей заранее в наследники. Другая настаивает на провозглашении императором великого князя, внука царя, под совместным регентством царицы и Сената. Если первая из этих партий возьмет верх, то надо ждать междоусобной войны, последствия коей могут быть губительны для многих, в особенности для иностранцев. Но, вероятно, восторжествует вторая партия, как более разумная и справедливая. Всем находящимся в окрестностях Петербурга полкам уже послан приказ собраться сюда. Не могу сказать ничего более В[ашему] С[иятельству], как потому, что меня торопит шведский посланник, спеша поскорее отправить своего человека в Швецию, так и потому, что я не знаю наверное, попадет ли к Вам это письмо. Посылаю его на всякий случай, дабы хоть вкратце известить В[аше] С[иятельство] о том, что здесь происходит. Буду иметь честь послать курьера тотчас, как вновь откроются заставы, теперь повсеместно запертые. Если узнаю что-нибудь, куда шифруют это письмо, извещу в приписке.

Имею честь...»

Больше часа секретарь переводил депешу с нормального языка на криптографический. Когда тяжкий труд близился к финалу, от патрона принесли листок бумаги с постскриптумом: «Сейчас получил уведомление, что восторжествует, кажется, партия царицы»[13]. Лаконичное дополнение француза красноречиво свидетельствовало: тщательно продуманный план Толстого и Елизаветы либо близок к кульминации, либо уже увенчался успехом.

* * *

Заканчивался второй час внеочередного заседания Сената в расширенном составе. Страсти в зале Зимнего дворца разгорелись нешуточные. Сановникам, расколовшимся на две группы, никак не удавалось найти точки соприкосновения. Фракция Екатерины упрямо не хотела поступаться ничем из программных тезисов Толстого. Однако ей не хватало аргументов, чтобы сломить упорное сопротивление приверженцев великого князя. А Репнин с единомышленниками не имел морального права покориться грубому нажиму и капитулировать без какого-либо приобретения в копилку Петра Алексеевича. До рукопашной дело пока не доходило, хотя патовая ситуация грозила вот-вот вылиться в позорную потасовку...

И вдруг за окном загрохотали барабаны: по набережной Невы двигались войска. Споры тотчас прекратились, и все на секунду-другую замерли. Тягостную тишину прервал возмущенный голос Репнина: «Что это значит? Кто осмелился давать подобные приказания помимо меня? Разве я более не главный начальник полков?» Президенту Военной коллегии ответил Иван Бутурлин: «Это приказано мною, без всякого, впрочем, притязания на Ваши права. Я имел на то повеление императрицы, моей всемилостивейшей государыни, которой всякий верноподданный обязан повиноваться».

Диалог процитирован по мемуарам Басевича, который, как обычно, приукрасил правду и сгустил краски. На сей раз он умолчал о второй части реплики подполковника. Штаб-офицер, конечно же, сообщил князю, что по Верхней набережной маршируют не преторианцы, идущие менять власть, а сводная рота Преображенского полка во главе с капитаном Василием Нейбушем в подкрепление семеновцам, охраняющим Зимний дворец. Удвоение караулов – мероприятие заурядное, хотя и не частое. Оно не требует санкции коллегии. Достаточно пожелания хозяина дворца, которым в данный момент является царица.

Эпизод с колонной солдат, вероятно, и послужил Толстому индикатором душевного состояния оппонентов. «Боярам» удалось взвинтить нервы до предела. Чувство реальности соперником, опасющимся силовой акции, практически утрачено, восприятие событий – явно неадекватное. Самое время наносить главный удар! Петр Андреевич подал условный сигнал Феофану Прокоповичу. Епископ Псковский поднялся и попросил у собравшихся немного внимания.

Начал священник издалека, со всенародной присяги февральскому закону 1722 года. Затем вспомнил о прошлогодней коронации Екатерины и как бы невзначай, мимоходом заметил, что доказательство существования у Петра Великого намерения провозгласить жену преемницей есть. Накануне персидской эпопеи государь признался как-то в приватной беседе, что хочет короновать супругу, дабы «аще бы каким случаем его не стало, праздный престол тако без наследника не остался бы, и всякая вина мятежей и смущений благовременнее пресечена быть могла бы». И, слава Богу, не один он, Феофан Прокопович, на той встрече присутствовал. Среди участников нынешних споров сидят еще пять свидетелей высочайших откровений. Пусть они по совести скажут, лжет он или не лжет[14].

Наверное, первым факт беседы подтвердил Феофилакт Лопатинский. За ним эстафету поддержали светские особы. Последним или предпоследним исповедался канцлер. Головкин сыграл, как по нотам. Никто не заподозрил инсценировки. Искренность Гавриила Ивановича потрясла и сразила наповал его товарищей. Им нечем было крыть брошенную конкурентами на стол козырную карту. Возможно, на свежую голову Аникита Иванович Репнин, Василий Лукич Долгоруков, Дмитрий Михайлович Голицын, Иван Алексеевич Мусин-Пушкин, Петр Матвеевич Апраксин разглядели бы, что карта легла крапленая. Да, по прошествии двухчасовых, искусственно разогреваемых жарких дебатов, крика и брани измотанные борьбой их сиятельства едва владели собой и плохо ориентировались в ситуации.

Первым смирился с поражением и согласился с ультиматумом Толстого фельдмаршал Репнин. Вторым белый флаг выкинул Головкин. Далее пошла цепная реакция безоговорочных капитуляций. Когда все сторонники великого князя одобрили кандидатуру Екатерины, председательствующий Ф.М. Апраксин подозвал А.В. Макарова и чисто формально поинтересовался у него, не оставил ли покойный император письменного завещания. Кабинет-секретарь официально успокоил уважаемое собрание: никакого завещания нет. Тогда генерал-адмирал привстал и от имени всех высших чинов империи подвел черту под двухчасовой дискуссией: «В силу коронования царицы и присяги принесенной ей всеми сословиями империи Сенат провозглашает ее законной государыней, императрицею всея России, самодержавной и неограниченной властительницею, как царь, супруг ея».

Для порядка Макаров огласил тексты закона о престолонаследии 1722 года и упомянутой Апраксиным присяги. Затем во время короткого перерыва сенатские чиновники подготовили проект манифеста: «Ведомо да будет всем, что по воле всемогущего Господа Бога... Петр Великий... чрез двенадцатидневную жестокую болезнь от сего временного жития в вечное блаженство отъиде. А о наследствии престола Российского не токмо единым Его Императорского Величества... манифестом февраля 5 дня прошлого 1722 года в народ объявлено, но и присягою подтвердили все чины государства Российского, дабы быть наследником тому, кто по воле императорской будет избран. А понеже в 1724 году удостоил короною и помазанием любезнейшую свою супругу... императрицу Екатерину Алексеевну за ея к Российскому государству мужественные труды, как о том объявлено в народе печатным указом прошлого 1723 года ноября 15 числа: того для Святейший Синод и Высокоправительствующий Сенат и генералитет согласно приказали: во всенародное известие объявить печатными листами, дабы все, как духовного, так воинского и гражданского всякого чина и достоинства люди о том ведали и ей всепресветлейшей... императрице Екатерине Алексеевне... верно служили».

Документ подписали все, после чего предводительствуемые генералом-адмиралом участники заседания зашагали к Конторке царя, где императрица оплакивала мужа. Стрелки на циферблате показывали восемь часов утра 28 января 1725 года[15].

* * *

Екатерина встретила депутацию в смежном с Конторкой покое в окружении М.Д. Олсуфьева и А.Л. Нарышкина. Вельможи выразили царице соболезнование, после чего Апраксин, преклонив вместе со всеми колена, протянул ей единогласно одобренный манифест и произнес клятву верности новой государыне. Потом императрица пожаловала вельмож – и друзей, и противников – к руке. Короткая церемония «инаугурации» завершилась под громовое: «Да здравствует наша императрица Екатерина Алексеевна!»

Затем А.И. Ушаков помчался в казармы Преображенского полка, И.М. Лихарев (тоже дежурный майор) – на квартиры Семеновского полка, чтобы известить солдат и обер-офицеров о кончине царя и восшествии на трон его супруги. И.И. Дмитриева-Мамонова в тот же день командировали в Москву, приводить к присяге жителей Белокаменной. А Бассевич в это время рассказывал иноземным послам Мардефельду, Вестфалену, Цедеркрейцу и Кампредону подробности исторического заседания Сената.

Екатерина по заслугам наградила каждого из тех, кто способствовал ее триумфу. Ушаков и Юсупов пополнили ряды сенаторов. Ягужинский и Головкин сохранили за собой прежние посты и прямой доступ к монархине. Заметно укрепились позиции герцога Голштинского и правой руки немецкого князя – незаменимого Бассевича. Сильно вырос кредит Меншикова. Однако не до той степени, какая наблюдалась в молодые годы Петра Великого. Третья строчка в перечне наиболее влиятельных лиц – максимальный результат, превзойти который светлейший князь имел мало шансов. Его потеснил П.А. Толстой, сблизившийся с императрицей в период

распоряжения коронационными торжествами 1724 года. Авторитет тайного советника после событий 26—28 января достиг недостижимых для других высот. Императрица отныне всегда совещалась с ним и почти ничего не скрывала от него. Мнение графа для нее звучало, как истина в предпоследней инстанции.

Кто же изредка накладывал вето на рекомендации министра и, соответственно, возглавлял список конфиденентов? Тот, с кем Петр Андреевич тягаться поостерегся бы, – цесаревна Елизавета Петровна. Именно она больше кого-либо выиграла от победы матери. За три январских дня 1725 года препятствие в лице девятилетнего племянника, стоявшее на пути пятнадцатилетней девицы, соратники матушки отодвинули в сторону и тем самым расчистили ей дорогу к власти. Пока о планах принцессы не знает даже мать, озабоченная поиском выгодного жениха для любимицы. Но через пять месяцев все решительным образом изменится. Впрочем, нет. Уже в первые дни нового царствования нашелся человек, верно оценивший потенциал петербургской красавицы. 2 (13) февраля 1725 года А. Мардефельд доносил прусскому королю: «Что касается брака со второй дочерью царя Елисаветой Петровной, то могут Ваше Величество быть уверенными, что ее охотно выдадут за Его Высочество маркграфа Карла только под тем условием, что она сделается владетельной герцогиней Курляндской. Ибо не отдадут за младшего сына такой прекрасной и умной великой княжны, любимицы императрицы. Теперь значение и вес великой княжны намного возросло, так как она на дороге в будущем сделаться императрицею»[16].

1727 год. Дебют цесаревны

В 1727 году Россия пережила несколько политических кризисов – арест и осуждение П.А. Толстого и А.М. Девизера, смерть императрицы Екатерины I и воцарение государя-отрока Петра II, опалу и изгнание из Петербурга А.Д. Меншикова, всесильного временщика при юном императоре. В общественном сознании давно уже укоренился миф о наглom и беспринципном светлейшем князе, полгода манипулировавшем то императрицей Екатериной, то ее преемником – Петром II. Данилыч навязал царице обручение собственной дочери с великим князем – престолонаследником, безжалостно расправился с оппонентами, сочувствующими цесаревнам Анне и Елизавете, высокомерно, подчас грубо обращался с сановниками и даже с мальчиком-императором. Таким запомнился потомкам «полудержавный властелин» в час своего наивысшего взлета, благодаря все тем же мемуарам Миниха, лже-Вильбуа, а также Христофора Манштейна.

В который раз в исторической науке одержал верх принцип подстраивания сведений из первоисточников под традиционную, полюбившуюся историкам концепцию, а не перекрестный анализ всех документов ради выяснения подлинной картины событий. В результате причиной крушения Меншикова оказались его продолжительная болезнь вкупе с коварным заговором А.И. Остермана и семьи А.Г. Долгорукова. Однако аккуратное и скрупулезное изучение материалов разного характера (дипломатическая и частная переписка, фонды Придворного ведомства, Верховного Тайного Совета, Тайной канцелярии и т.д.), как опубликованных за прошедшие двести лет, так и вновь выявленных, вынуждает иначе посмотреть на хронику того примечательного года, да и на персону, вызвавшую высокое политическое напряжение.

* * *

В седьмом часу вечера 23 ноября 1724 года под окнами императорского Зимнего дворца в Санкт-Петербурге зазвучала инструментальная музыка. На дворе давно уже стемнело. Поэтому оркестр Карла-Фридриха Голштинского играл в окружении факельщиков из свиты герцога. Концерт давался по случаю наступающего дня тезоименитства императрицы Екатерины Алексеевны. Формально. А фактически красивые мелодии предназначались для будущей невесты немецкого принца, царевны Анны Петровны, которая в те минуты вместе с сестрой Елизаветой стояла возле окна в одной из комнат на втором этаже.

Обе девушки «со вниманием слушали» исполнение различных композиций и размышляли каждая о чем-то своем. Не без трепета они так долго ждали, кого из них родители благословят на брак первой. Особенно волновалась вторая царская дочь. Ведь все ясно видели, что кандидат в женихи отдаст предпочтение именно ей. И вот дилемма разрешилась. На днях отец и мать объявили, что герцогиней Голштинской станет старшая Анна. Младшая Елизавета искренне порадовалась за нее и с облегчением вздохнула. Она вовсе не хотела идти замуж ни за владетельного князя из Германии, более трех лет гостившего в России, ни за юного французского короля, о сочетании с коим настойчиво хлопотали батюшка с матушкой.

К счастью, в Версале инициативу русского императора встретили прохладно. Там, кажется, намеревались породниться с испанской ветвью Бурбонов. И слава Богу! Цесаревне уклончивость французов – только на руку. Конечно, грандиозный план Петра Великого без семейных уз с Людовиком XV в значительной степени терял привлекательность. Однако любимая дочь великого монарха накануне пятнадцатилетия грезилась не об амурном романе с кем-либо из заморских государей или принцев, а о российской короне. Девушка не осмеливалась прямо признаться отцу в этом, ибо тот активного участия женщин в политике, мягко говоря,

не одобрял. На дочерей он смотрел как на эффективное средство укрепления международного престижа и влияния российского государства. Искать себе преемника среди царевен глава рода Романовых не собирался. Анну августейший преобразователь мечтал когда-нибудь титуловать шведской королевой, воспринимая Голштинию в качестве промежуточной остановки на главном пути (19 ноября 1723 года шведский риксдаг вотировал закон о передаче скипетра после короля Фридриха I Гессенского Карлу-Фридриху Голштинскому). Шестилетнюю Наталью думал пристроить в Мадриде. Благо испанский король Филипп V обратился к нему с просьбой о помолвке сына, принца Астурийского Фердинанда, с малышкой.

Если Петр I считал вполне приемлемым обвенчать старшую и младшую дочь с наследниками европейских монархов, то для обожаемой им и супругой Елизаветы требовался жених посолонней. Непременно король, и лучше король французский. Поэтому, когда из Версаля прислали предложение столкнуться на кандидатуре регента, герцога Бурбонского, царь под благовидным предлогом «забраковал» нового претендента. В итоге двухсторонние консультации на сию деликатную тему зашли в тупик к огромному удовлетворению честолюбивой русской принцессы.

Итак, 22 ноября 1724 года А.И. Остерман назвал герцогу Голштинскому имя невесты. Вечером в понедельник 23-го император пригласил без пяти минут зятя отобедать у него во вторник по-семейному. Спустя сутки, во время трапезы церемония обручения свершилась. В тот же день Анна Петровна, подписав брачный контракт, отеклась за себя и детей «от всех... притязаний... на корону и Империум Всероссийский». Правда, в первом секретном артикуле документа тесть оговорил для себя право взять одного из сыновей молодой четы для провозглашения «сукцессором» (т.е. наследником). Таким ненадежным способом Отец Отечества пытался спасти реформы от реставрационных поползновений, ибо остерегался доверить скипетр малолетнему тезке, отпрыску замученного в застенке царевича Алексея Петровича[1].

Петр Великий даже не подозревал о том, что ищет защитника новому прозападному курсу не там, где нужно. В тщетной погоне за наследником-мальчиком царь не заметил, как подле него выросла достойная смена, которая обладала единственным недостатком – принадлежностью к женскому полу. Потому отец и проигнорировал ее. Хотя, как известно, для процесса управления неважно, кто – дама или кавалер, миляга или уродина – решает какую-либо проблему. Главное, чтобы этот человек умел предусмотреть все возможные варианты и выбрать из них оптимальный. Между тем Елизавету Петровну отличал удивительный, уникальный талант обнаруживать максимальное число потенциальных политических ходов, быстро анализировать перспективы каждого и точно определять самый выгодный и реалистичный. В принципе, император мог бы позавидовать прозорливости и проницательности дочери. Но, увы, когда в январе 1725 года герой Полтавы и Гангута умирал, он просто не знал, кому завещать великую державу. Ни на внука-отрока, ни на жену, ни на старшую, ни на среднюю, ни тем паче на младшую дочь Петр написать testament не рискнул. По-видимому, государь всецело положился на русский авось: как Господь рассудит, так пусть и будет! Содействовать собственным авторитетом торжеству меньшего из трех зол основатель империи не пожелал. А Всевышний, как вскоре выяснилось, больше симпатизировал Екатерине.

* * *

Первые практические уроки управления государством Елизавета Петровна получила сразу после восшествия матери на престол 28 января 1725 года. Нет, естественно, никто не приглашал юную цесаревну посетить заседания Сената, аудиенции министров у государыни или совещания в коллегиях и в канцеляриях. Ей помог случай. Екатерина была неграмотной. А без подписи императрицы ни один указ не вступил бы в силу. Неординарное препятствие преодолели легко. Самодержица поручила данную миссию «сердцу моему» (так начинались

все продиктованные царицей письма, адресованные милой Лизаньке). В результате за два года царствования жены Петра Великого сотни распоряжений, законов и патентов прошли через руки молодой барышни. По крайней мере, принцесса имела шанс читать, изучать, сравнивать документацию, а, скорее всего, в качестве секретаря часто, если не постоянно, присутствовала на докладах министров у монархини, слушая их, и тут же на апробированных бумагах выводила пером имя матушки (заочные санкции при такой системе недопустимы).

Впрочем, завсегда таи царского кабинета относились к казусу с девицей, исполняющей обязанности августейшего автографа, как к досадному недоразумению. Ни А.Д. Меншиков, ни А.В. Макаров, ни Д.М. Голицын, ни П.И. Ягужинский не разглядели в девушке задатки серьезного политика[2]. Мать, разумеется, тоже. Она, между прочим, по-прежнему заботилась о том, как бы удачно просватать любимицу. В марте 1725 года до Петербурга докатилась весть о срыве брака французского короля с испанской инфантой. Императрица немедленно возобновила агитацию французской стороны. 31 марта Меншиков напомнил послу Кампредону о блестящей партии для Людовика XV – принцессе Елизавете. Чуть позднее, в апреле, к секретным переговорам подключился герцог Голштинский, расхваливая от имени государыни выгодный для Франции брачный проект.

Екатерина ради счастья Лизы не стеснялась обещать слишком много – войска, субсидии, польскую корону для герцога Бурбонского в паре с Марией Лещинской (кстати, царица не забывала и об интересах старшей дочери, обвенчавшейся 21 мая с Карлом-Фридрихом; Россия не шутила, когда грозила Дании войной, если та не вернет Голштинии аннексированный Шлезвиг). Однако французы и на сей раз пренебрегли заманчивыми условиями. 10 июня курьер привез из Парижа реляцию Б.И. Куракина от 14 (25) мая, которую в тот же день зачитали Екатерине: «Дук де Бурбон и бискуп Фрежус всякими образами старались короля склонить к супружеству с принцессою Станислава, а, наконец, ныне по многим трудностям короля к тому склонили и третьего дня, призвав нунциуса, ему о намерении и подлинном королевском объявили, и что сочетания брака будущего сентября имеет быть. И при том его нунциуса просили, дабы о том дал знать Папе». 17 июня царице доложили об обнародовании 16 (27) мая в Версале официальной декларации Людовика «о своем супружестве» с Марией Лещинской. Так вопрос о породнении Романовых с потомками Капетингов закрылся сам собой[3].

Императрица хотя и огорчилась, но не унывала. Ведь за руку прелестной цесаревны уже соревновались прусский двор с испанским (кончина в марте 1725 года Натальи Петровны вынудила отца принца Астурийского заняться поиском новой невесты). А кроме того, носился слух, что и английский король не прочь ходатайствовать за собственного сына перед очаровательной дочкой русского царя. В общем, Елизавета Петровна в июне 1725 года попала в довольно затруднительную ситуацию. Мать не сегодня, так завтра поставит перед ней вопрос о замужестве ребром, и великой княжне придется либо готовиться к свадьбе и путешествию в далекие земли, либо...

Неожиданно в июле пересуды о женихах стихли. Все кандидатуры были вежливо отклонены. Истинную причину отказа государыня предпочла не афишировать. Но один очень ловкий иностранец, покинувший Петербург 24 июня или 5 июля (по ст. стилю), ухитрился приподнять завесу над тайной, а французская разведка в Стокгольме – перехватить его партикулярное письмо из Нарвы от 11 июля (скорее всего, по новому стилю). Вот что сообщал шведскому корреспонденту незнакомец: «...я видел у приятеля (одного из русских сенаторов)... полученные им достоверные сведения насчет одного хода, замышляемого царицею с целью подкупить расположение народа, чтобы потом выиграть у него самую большую ставку. Она знает, что у царевича есть друзья и очень влиятельные сторонники, которые не успокоятся, пока не увидят его на принадлежащем ему по праву престоле, хотя бы им пришлось своей кровью заплатить за это. Царица всячески постарается избежать этой крайности, но в случае надобности она, чтоб сохранить за собою положение правительницы, торжественно провозгласит юного князя

своим наследником. Она думает успокоить этим своих врагов, а тем временем найти средство отделаться от находящегося в ее руках наследника и передать престол младшей принцессе, дочери своей, выдав ее замуж за кого-нибудь из самых знатных русских вельмож»[4].

Не правда ли, поразительная метаморфоза случилась с Екатериной Алексеевной? В апреле она сулит золотые горы французским дипломатам, лишь бы король не отверг Лизаньки. В июне картина кардинально меняется. Лизанька должна соединиться с кем-то из соотечественников. И главное: принцессе достанется в приданое корона Российской империи. Мы, конечно, вправе по примеру версальских политиков отмахнуться от похожих на придворную сплетню утверждений. Да, не стоит торопиться с этим. Минует лето. Пролетит часть осени, и в Зимнем дворце исподволь приступят к реализации необычного плана.

Так что же побудило государыню внезапно покончить с вариантом брака, предполагающим отъезд цесаревны за границу, и ни с того ни с сего увлечься идеей возведения ее на престол, невзирая на сочувствие нации к Петру, внуку царя-реформатора? На мой взгляд, ответ лежит на поверхности: Елизавета Петровна в те июньские дни чистосердечно рассказала матери о том, в чем побоялась признаться отцу: о страстном желании стать русской императрицей. И вдова Петра Великого поняла родную дочь. Мало того, поддержала Лизаньку и словом, и делом, до конца исполнив взятое на себя обязательство. Однако опора исключительно на мать не гарантировала успех. Юная дебютантка сознавала, что всеобщее почитание десятилетнего Петра – мощный противовес закону от 5 февраля 1722 года, разрешающему монарху по своему усмотрению назначать преемника. Как нейтрализовать или подчинить народное волеизъявление заветной цели принцессы? Девушка хорошенько обдумала на досуге проблему и выявила всего две не идеальных, но и не утопичных программы действий.

О первой обмолвился еще австриец Стефан Кинский в 1722 году. Цесаревна выходит замуж за Петра Алексеевича, после чего императрица провозглашает дочь наследницей, а юный великий князь становится принцем-консортом (мужем женщины, возглавляющей государство). Многие приверженцы Петра наверняка возропшут. Но здравомыслящее большинство примет компромисс, у которого один существенный минус – близкое родство жениха и невесты. Петр – родной племянник Елизаветы. Если традиция и протест духовенства одолеют в общественном мнении политическую целесообразность, ничего не получится. Тем не менее попытка не пытка. Надо попробовать.

Запасной, второй и более тернистый путь: Елизавета обвенчается с отпрыском влиятельного российского рода или с сыном какого-нибудь государя из Голштинского дома, который по приезде в Россию перейдет в православие. Во-первых, замужняя дама на троне – это всегда лучше, чем «зеленая» девица. Во-вторых, новая родня, безусловно, примкнет к партии честолюбивой невестки. Затем Екатерина отправит юного соперника в заграничное турне, учиться наукам, и лишь тогда ошеломит нацию манифестом о провозглашении дочери Петра будущей императрицей. Возмутятся, бесспорно, очень многие. Но отсутствие в стране их кумира, которому преданные люди помешают вовремя возвратиться, и абсолютная законность мероприятия заставят недовольных постепенно приумолкнуть. Ну а дальше Елизавете придется изрядно потрудиться, дабы убедить всех в том, что они напрасно сопротивлялись.

В тактическом плане, судя по всему, мать и дочь договорились, во-первых, по возможности никого не посвящать в суть дела. Во-вторых, Екатерина согласилась с тем, что никто не должен даже заподозрить в принцессе главного инициатора дерзкой акции. Пусть окружающие считают брачные коллизии и сам акт провозглашения блажью чадолюбивой императрицы. Тогда Елизавета сохранит свободу маневра, а в случае поражения сумеет избежать мести сторонников племянника.

* * *

Прежде чем испрашивать у иерархов православной церкви дозволение на запретную свадьбу, надлежало навести в духовном ведомстве мало-мальский порядок, так как фактический президент учреждения Феодосий Яновский (12 мая лишенный сана архиепископа Новгородского и Великолуцкого) с 27 апреля сидел под арестом «за... злоковарное воровство... (говаривал злохулительные слова про Их Императорское Величество и мыслил... некоторой злой умысел на российское государство)». Царица занялась кадровой реорганизацией Синода 25 июня. Феофан Прокопович возглавил Новгородскую епархию и российское духовенство, уступив место во Пскове епископу Тверскому Феофилакту Лопатинскому. Однако оба вдруг обратились к императрице с просьбой не переводить их со старых на новые кафедры. 10 июля государыня отклонила челобитную первого и удовлетворила пожелание второго. 1 августа псковскую паству поручили опекать Рафаилу Заборовскому, архимандриту Калязинского монастыря. 23 августа он и епископ Ростовский Георгий Дашков пополнили ряды синодальных советников. Причем Дашкова определили третьим присутствующим в коллегии. 1 августа произошло еще одно важное назначение: архимандрита Симоновского монастыря Петра Смелича Екатерина перевела в Александро-Невскую лавру, а 7-го числа объявила священника «первейшим в Российской империи архимандритом». Кстати, именно ему приходилось чаще, чем кому-либо другому, ездить с докладами Синода в Зимний или Летний дворцы.

В полном составе данная пятерка высших духовных лиц страны собралась в Петербурге в первой половине октября 1725 года. Прокопович и Заборовский вернулись из коротких отпусков. Дашков приехал наконец в столицу. Вот им-то в первую очередь, а также, вероятно, «Верховному Ея Величества государыни императрицы протодиакону» (Троицкой церкви) Анфиногену Иванову и протоиерею главного собора страны (Петропавловского) Петру Григорьеву и довелось давать оценку далеко идущему проекту супруги Петра Великого. Через месяц о нем и о реакции священников судачил весь город, не исключая дипломатов. Ж. Кампредон 16 (27) ноября доносил в Париж: «Здесь... на основании некоего предложения, вероятно измышленного Бассевичем, сделали запрос Синоду – может ли великий князь жениться на принцессе Елизавете. На что получили, конечно, ответ, что это равно воспрещается и божескими, и человеческими законами»[5].

В том, что французский посланник приписал идею бракосочетания Геннингу Фридриху Бассевичу, нет ничего удивительного. Министр герцога Голштинского славился богатым воображением и не ленился время от времени «радовать» русский двор какой-нибудь экстравагантной инициативой. Ему же агент Людовика XV присвоил авторство второго варианта женитьбы, когда накануне Рождества 1725 года в Петербурге заговорили о свежеиспеченном кандидате на руку Елизаветы – сыне епископа Любекского и Этинского Карле-Августе. К тому же тайный советник лично сообщил Кампредону сенсационную новость. Как писал француз, Бассевич «сам явился... известить меня» о том, что «действительно заходила речь о браке... Елизаветы с великим князем, браке, который наилучшим образом обеспечил бы внутренний мир в России, соединив и партии, и семью царицы... Но... союзы этого рода безпримерны в России и потому кажутся русским чудовищными. Впрочем... это... не помешает хорошо устроить судьбу цесаревны посредством двойного брака. Ея с сыном дяди герцога Голштинского, епископа Любекского, а великого князя с дочерью того же епископа».

Полагаю, читатель догадался, откуда и по каким причинам задул новый ветер. Но резонен вопрос: почему Карл-Август Любекский, а не кто-нибудь иной? Похоже, Елизавета, взвесив потенциал всех существовавших на тот период в России семейных кланов, не сочувствующих внуку Петра, выбрала в качестве опоры наиболее сильный из них – Голштинский – и рассчитывала замужеством с двоюродным братом Карла-Фридриха заручиться поддержкой этой

влиятельной партии. Правда, жених из германской глубинки не стремился в поисках невесты мчаться на край Европы. Пришлось прибегнуть к хитрости. К диалогу с голштинскими родственниками подключили австрийского монарха. Карлу VI пообещали провозгласить юного Петра Алексеевича (племянника жены императора) наследником, а сестру великого князя, Наталью Алексеевну, выдать за Карла-Августа. Если, конечно, цесарь убедит самого принца навестить берега Невы. Карл VI соблазнился заманчивыми посулами и помог завлечь молодого человека, который 11 октября 1726 года в качестве епископа Любекского (отец скончался весной) прибыл все-таки в Санкт-Петербург. Тут-то ему и открылась истина. Екатерина тотчас дезавуировала клятвы и заверения герцога Голштинского, сделанные им австрийскому послу Амадею Рабутину-Бюсси, и заявила, что дорогому гостю суждено связать судьбу с цесаревной, а не с великой княжной Натальей. Успокаивать обманутого партнера командировали красноречивого Бассевича. Советник 23 октября без тени смущения объяснил Рабутину казус капризом легкомысленной царицы[6].

Если раздражение австрийцев теперь имело мало значения, то за благосклонность жениха еще предстояло побороться, и побороться всерьез, ибо тот прохладно отнесся к перспективе бракосочетания с дочерью императрицы. Да и возмущенный коварством русских гувернер епископа, барон Николас Иосис фон Бер, советовал подопечному либо уклониться от женитьбы, либо настоять на «первоначальном плане», то есть на кандидатуре Натальи Алексеевны. В конце ноября, казалось, скандальный отъезд Карла-Августа на родину неминуем. Однако твердая позиция царицы и, надо полагать, красота и обаяние самой принцессы смягчили праведный гнев голштинцев. Они остались в России. А 5 (16) декабря 1726 года юноша, приободренный Карлом-Фридрихом, формально попросил у матери руки «прекраснейшей принцессы Елизаветы».

Довольно странное поведение Екатерины I, естественно, удивляло многих. Тем не менее никто из россиян или иностранцев так и не сумел понять подлинных мотивов парадоксальных шараханий от одного брачного проекта к другому. Преемник Кампредона, французский резидент Маньян, 13 (24) декабря 1726 года прокомментировал интригу вокруг епископа Любекского просто: «Царица потому так спешит этой свадьбой, что ей страстно хочется, чтоб хоть одна из ее дочерей еще при жизни ее имела детей. На брак герцога Голштинского она в этом отношении надежд более не возлагает... К тому же, по ее убеждению... юная принцесса... черзчур полна для своих лет и может... сделаться через несколько лет бездетной навсегда», если и далее промедлит с замужеством[7].

Возможно, истину удавалось бы успешно скрывать от всех до условного часа «X». Но в двадцатых числах января 1727 года случилось одно досадное происшествие, благодаря которому, к всеобщему изумлению, секрет просочился наружу, после чего в империи разразился тяжелый политический кризис.

* * *

31 января (11 февраля) 1727 года Маньян отписал во Францию: «...Говорят, что... на днях, во время легкого нездоровья царицы... она очень ослабела и находилась в лихорадочном состоянии. И тут, говорят, высказала, что вопрос о престолонаследии не касается никого, кроме младшей дочери ее, принцессы Елизаветы, что она безотлагательно объявила бы ее наследницею, если бы могла теперь же обезпечить ее, выдав ее замуж за епископа Любского, в случае согласия последнего перейти в православие, что было бы необходимо для исполнения ее плана. Герцогиня Голштинская огорчилась до крайности, услышав эти слова царицы, заперлась в своей комнате и несколько дней сидела там, обливаясь слезами»[8].

Признания матери в болезненном бреде, спровоцировавшем утечку информации, фактически выбили почву из-под ног дочери. Отныне на фактор внезапности больше не стоило

уповать. Оппозиция получила шанс, приняв контрмеры, помешать подозрительной отправке великого князя за границу на учебу и явочным порядком сорвать воцарение не слишком популярной Елизаветы. Тем не менее цесаревна не пала духом, а мгновенно сориентировалась в критической для нее ситуации, решив сыграть на опережение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.